

УДК 140.8

Б.М. Лепешко

ДВА ВЕКА ИДЕОЛОГИИ ОХРАНИТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается генезис охранительных идей. Характеризуются взгляды М. Каткова, К. Победоносцева, К. Леонтьева, показана взаимосвязь охранительной идеологии с консервативным мировоззрением нашего времени. Анализируются идеологические концепты XX–XXI вв., некоторые идеологические теории в России и Беларуси. Обосновывается точка зрения, согласно которой некоторые постулаты идеологии охранительства могут быть востребованы и в наши дни.

У точки зрения, получившей со временем название «идеологии охранительства», незавидная судьба. Почти сразу со временем концептуального появления и формирования данной идеологии, а это третья четверть XIX века (хотя некоторые идеи были сформулированы несколько раньше, во времена министра образования России С.С. Уварова), её сопровождали оценки, характеристики, как правило, негативного свойства. Прослыть «охранителем» тогда, во времена Александра Герцена, Николая Чернышевского, Дмитрия Писарева, Николая Добролюбова значило то же самое, что записаться в обскуранты, махровые консерваторы, словом, стать в стан «врагов прогресса» и защитников обветшавшей Российской монархии. Быть «охранителем», это значило ощущать духовное, идеологическое родство с политикой и взглядами Константина Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода, главного охранительного идеолога страны во второй половине XIX в. Быть «охранителем» значило упорно держаться за старое, не видеть и не понимать важности и необходимости конституционных, демократических перемен. Хотя надо сразу же заметить: появление охранительной идеологии – это во многом ответ на вызовы идеологии революционно-демократической и идеологии либеральной.

Но дело ведь не только в веке девятнадцатом. Идеология марксизма, устремлённая к сияющим высотам коммунистического общества, на словах всеми силами и средствами ограждала себя от охранительных идеологических предпочтений, вновь оперируя такими понятиями, как «прогресс», «передовые идеалы», «борьба с отжившими ценностями прошлого» и т.д. То есть и в веке XX у нас идеологии охранительства вроде бы не было места, как не было места реликтам консервативного прежде всего мышления. Что уж говорить о веке нынешнем, когда на кону «модернизация», «европейские ценности», «передовой западный опыт», иногда звучит даже «вестернизация» и тому подобные вещи.

Тем не менее, на наш взгляд, есть смысл вернуться к идеологии охранительства в том виде, в каком она была сформирована её теоретиками М.Н. Катковым, К.П. Победоносцевым, К.Н. Леонтьевым. Но рассмотреть её вовсе не в силу абстрактного академического интереса. Нет, суть в ином. На наш взгляд, идеология охранительства, взятая именно как «охранительство», присуща не только тому времени, в котором она была рождена. Представляется, что в той или иной степени идеология охранительства «жила» с нами все последние два века, если быть более точным, почти два века. Разве не была «охранительной» идеология марксизма? Разве не была основной функция «охранения» для многочисленных идеологических концептов, рождённых на переломе прошлого и нынешнего веков? Разве не утверждают – применительно к политике модернизации Д. Медведева – что она консервативна по духу и сути? Скажут: предмет идеологии охранительства в этом контексте чрезмерно расширен, теряется сама суть

идеологии охранительства, если её брать в «чистом», историческом виде. Да ведь более того: функция охранительства присуща любой идеологии, любая идеология защищает ту систему ценностей, которой она рождена и которую призвана защищать. Что ж, аргументы весомые. Однако и они подтверждают важность и необходимость обращения к таким образом обозначенному предмету исследования.

1

Михаил Никифорович Катков, трудный по характеру, амбициозный, очень талантливый публицист и организатор журнального дела, вошёл в историю журналистики, политики как родоначальник политической печати. Но что важно: становление политической печати в России и концептуальное формирование идеологии охранительства фактически совпали по времени. В 1862 году редактор «Русского вестника» писал: «В чём состоит истинное назначение охранительного начала? Истинно прогрессивное направление должно быть, в сущности, консервативным... Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней» [1, с. 20]. «Чуткий, понимающий себя консерватизм, не враг прогресса, нововведений и реформ; напротив, он сам вызывает их в интересах своего дела, в интересе хранения, в пользу тех начал, которых существование для него дорого; но он с инстинктивной заботливостью следит за процессом переработки, опасаясь, чтобы в ней не утратилось чего-нибудь существенного. Истинно-охранительное направление, в сущности, действует заодно с истинно-прогрессивным» [1, с. 20–21].

Здесь сформулировано сразу же несколько фундаментальных идей идеологии охранительства. Первая из них: данная идеология, по сути, является идеологией консервативной. В контексте приведённых мыслей М. Каткова идеология охранительства и идеология консервативная – понятия синонимичные. Оговоримся сразу же, что есть несколько понятий, близких по смыслу, но не тождественных, в которых в той или иной мере отражается идеология охранительства. Это, скажем, тот же консерватизм, традиционализм (Э. Бёрк и некоторые иные).

Вторая: сам по себе прогресс не обладает самоценностью; прогресс тогда имеет смысл, когда коренится на неких основополагающих, базовых, традиционных ценностях. Вообще говоря, понятие «прогресс» встречается в идеологии охранительного направления столь часто, что становится понятно: его сторонники хорошо понимали важную проблему соотношения прошлого и будущего, традиций и новаций. Более того, смысл этих ремарок М.Н. Каткова заключается в том, что охранительство всегда «подавалось» как синоним развития, но никак не стагнации. Быть консерватором, быть охранителем значило смотреть вперёд, идти вперёд, однако при условии понимания и сохранения базовых ценностей. Конечно, как понимать это развитие, что значит «идти вперёд» трактовалось различными идеологами по-разному.

Третья: противоречия между «прогрессом» и «охранительством» если и существует, то носит искусственный, неорганичный характер; в конечном счёте всё зависит от понимания самих этих дефиниций. Развивая эту мысль, великий публицист отмечал, что прогрессистом выглядеть легко, почётно: кто ж будет возражать против светлого будущего, окрашенного в розовые тона. Намного хуже с тем, кто пытается защищать охранительные начала. Консерватор – это обскурант, крепостник, ненавистник рода человеческого. Прогрессист, очевидно, человечеству друг, готовый на любые мыслимые жертвы во имя просвещения, гуманизма, реформ. Ошибка здесь, по мнению М. Каткова, заключается в непонимании самой сути охранительства как идеологии. Дело в том, что «интерес охранительный состоит не в том, чтобы помешать дальнейшему развитию начала, которое ему дорого, но чтоб обеспечить и оградить самое его существование» [1, с. 111].

Но закономерно встают в этой связи два вопроса. Первый: какие такие начала нужно охранять, и второй: не вступает ли охранение в противоречие с жизнью, не является ли оно тормозящим фактором, которое должно быть сметено.

Русская революционно-демократическая традиция, да и традиция либерально-демократическая, давно дала ответы на эти вопросы: конечно, охранительные ценности, охранительная практика является тормозящим фактором на пути всё того же прогресса. Но если мы с позиций уже XXI века попробуем взглянуть на этот исторический спор, то окажется, что всё выглядит не так однозначно. Один пример. Если мы исключим те благородные намерения, которыми были переполнены лидеры марксистов, либералов, а обратимся к практике, к той самой бурлящей реальной жизни, то легко заметим, что бедствия и страдания, которые были принесены русским народом, славянами на алтарь прогресса, были столь высоки, что вопрос о «цене прогресса» не покажется надуманным. Не привожу здесь ни цифр, ни фактов, они широко известны. Замечу лишь, что гражданская война, перестройка – это звенья, по сути, одного порядка, и говорить о том, что все жертвы были понесены в рамках реализации замечательных революционно-демократических, либеральных идей, – это значит сознательно дискредитировать эти самые идеи.

Но вернёмся к М. Каткову. Существенными элементами той охранительной идеологии, которую выстраивал мыслитель, было самодержавие, монархический принцип; ценности православной веры, православного мировоззрения; стремление к реализации сильной национальной политики и защита, прежде всего, национальных интересов; обязательные и существенные реформы в сфере образования и науки; идея геополитического, мировоззренческого единства восточных славян и некоторые иные. В данном случае нет возможности подробно анализировать все идеи, обратимся к важнейшим постулатам.

Мыслитель исходил из того, что «мы бедны», что начала нашей жизни ещё только оформляются, что у нас фактически нет политической жизни, а вместо гражданского общества – некие призраки идеи и имитация активности. Мы фактически одиноки в мире, и многие готовы «разорвать нас части» как в фигуральном, так и в буквальном смысле этого слова. Русская земля собралась только после Петра. «И теперь нам говорят, что русская земля через меру обширна, что мы обязаны отречься от нашей истории, признать её ложью и призраком и принять все зависящие от нас меры, чтобы обратить в ничто великий результат, добытый тяжким трудом стольких поколений. Нам говорят... что обширное протяжение русской территории и тягостно, и неудобно и что оно должно быть снова раздроблено, раздроблено нашими собственными руками; нам говорят, что с нашей стороны и невеликодушно и нелиберально занимать столь большое пространство; нам говорят, что мы должны возгнушаться громадностью нашей государственной области, что мы должны отделить от неё преимущественно западные окраины» [1, с. 74]. Эта цитата примечательна и тем, что помести её в контекст первого десятилетия XXI века, мало кто заметит стилистику прошлых лет, но все согласятся с её фактической истинностью.

Из этой констатации следует, что первоочередной задачей является задача укрепления государственной власти, задача укрепления монархии. Мыслителю принадлежит целый ряд верных формулировок, сохранивших актуальность по сей день. Скажем, он замечает, что «власть государства не на мнениях основана; или её нет на деле, или она держится сама собой, независимо от мнений» [1, с. 85]. Далее отмечает, что «в вопросах государственного свойства всё должно оцениваться с точки зрения государства, и притом не какого-нибудь, не отвлечённого, но действительного, живого, того, которому мы служим» [1, с. 90]. «Национальная политика состоит только в том, чтобы правительство было правительством своей страны, чтобы оно было силой только своего

народа» [1, с. 149]. И ещё: «Мотив жалости имеет место и смысл только между людьми, отнюдь не между государствами. Слабое государство, не способное ни обороняться, ни управляться, не жалеют, а презируют и – добивают» [1, с. 154].

Как получается, весь вопрос в том, что охранять и как охранять. Если охранять государство, если охранять национальные интересы, если охранять собственное понимание национальных ценностей, то смысл в этом охранительстве есть и смысл немалый. Что же касается «прогресса», «либеральных ценностей», «ценностей коммунистических», то, очевидно, эти ценности могут быть приняты сами по себе, пусть конкурируют и весь вопрос в том, какой ценой они достигаются. Если не ценой крови, то они не только конкурентоспособны, но и жизнеспособны.

Немалую роль здесь играют и личные качества охранителей. Да, тот же М. Катков был амбициозен, мог преувеличивать свою роль в политике (расстановке министров, влиянии на царя и т.д.). Но его критика влиятельных лиц в ряде случаев была столь резкой, вскрытие им проблем было столь ошеломляющим, что личная искренность, личная неангажированность выглядела в этой ситуации второстепенным фактором.

Конечно, Россия времён М. Каткова – это не Англия, не США, не Франция и не Германия. Россияне, активно читающие зарубежную литературу, побывавшие за границей, познакомившиеся с конституционной, политической практикой, уровнем жизни населения, формировали, «привозили» с собой идеи, которые никак не увязывались с охранительной идеологией. Так жить в России дальше было нельзя, и это понимание становилось преобладающим в обществе. Но весь вопрос даже не в этой констатации, ясной и не требующей аргументации. Весь вопрос в том, какими путями можно было реализовать светлые и благородные цели. М. Катков предлагал охранять базовые (на его взгляд) ценности и, укрепляя эти ценности, привносить в политическую, экономическую жизнь новые идеи и привлекать новых людей. Надо признать прямо: общество не поддержало ни его самого, ни его идеологию. Общество посчитало обязательным и необходимым вступить на путь конституционных реформ, политических изменений, на путь революций и гражданских войн. И здесь возникает сакраментальный вопрос: кто от этого выиграл? Сакраментальный, поскольку и одна безвинно загубленная жизнь не стоит самой продвинутой и прогрессивной идеологии. А безвинно погибли за время революций и реформ не один, не два – миллионы. В этом смысле речь сегодня идёт о том, что главная идея М. Каткова может приобрести совсем иной контекст и совсем иное звучание. Причём в поле данных размышлений вовсе не идёт речь об обязательной целесообразности консервации неких устоявшихся форм и представлений. Речь идёт о том, что главная идея М. Каткова сегодня может «читаться» и восприниматься по-другому. Суть этой идеи проста и ясна: *обществу надо определить базисные национальные ценности и сохранять их, развивать их, относясь с достаточной долей скепсиса к различным идеологиям как «восточного», так и «западного» свойства.*

2

Похожим образом, как и судьба М. Каткова, сложилась судьба (литературная, философская, политическая) ещё одного известного охранителя той поры, Константина Петровича Победоносцева. Кто только не цитировал стихи А. Блока, в которых говорилось о том, как Победоносцев распростёр над Россией свои «совиные крыла». Но и здесь не всё ныне представляется так однозначно, конечно, в аспекте идеологии охранительства.

То, что обер-прокурор Святейшего Синода был охранителем в том смысле, в каком мы эту проблему уже обозначили, сомнений не вызывает. Самодержавие, православие, народность – да, «уваровская тройка» налицо. Да, налицо неприятие конституционализма, парламентаризма, причём аргументация выглядит известной, даже трафаретной. Скажем, в письме к Александру II он пишет: зачем в России конституция, по-

тому что вся Европа в конституциях? «Да мало ли в какой проказе Европа грехами своих фарисеев и книжников? Не прививать же России, к, слава Богу, здоровому телу вместо православия папизм и нигилизм, вместо общины майорат и пролетариат, вместо самодержавия конституцию и коммуну только потому, что в Европе ни Бога, ни царя, ни народа» [2, с. 12]. А вот уже из письма к Александру III: «Странно слышать умных людей, которые могут серьёзно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма» [2, с. 40].

Конечно, цитируя самого К.П. Победоносцева, надо учитывать жёсткое неприятие конституционных идей со стороны русских монархов, задающих тон. Достаточно вспомнить замечание главы кабинета министров С. Витте, которое приводит в «Воспоминаниях» П.Н. Милюков. Речь шла о том, что власть должна была принять конституционные проекты. Глава кабинета министров отвечал на это так: «Государь относится к самодержавию, как к догмату веры, как к своему долгу, которого он ни в целом, ни в части он уступит, кому бы то ни было, не может» [5, с. 252]. Какое в этом контексте может быть обсуждение конституционных проектов? Да и известная ремарка П. Милюкова, который пишет в своих текстах, что «Великий князь Николай Николаевич с револьвером в руке вынудил у царя подписание манифеста 17 октября» [5, с. 322–323], говорит о многом. Можно вспомнить позицию и предшествующего царя, Александра III (1883 год): «Я слишком глубоко убеждён в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует в Европе. Пусть меня ругают, и после моей смерти будут ещё ругать, но, может быть, наступит тот день, когда и добром помянут» [2, с. 308]. Здесь важно подчеркнуть вот какую мысль: да, идеология охранительства формировалась и развивалась вследствие объективных предпосылок, однако нельзя сбрасывать со счетов и такой мощный фактор, как позиция правящего дома, консервативно-охранительная по своей сути.

Но главное всё же, иное: каким образом К.П. Победоносцев намеревался реализовать охранительные постулаты? Надо признать: эти меры не поражали новизной и принципиальностью. В 1887 году в письме царю, он задаётся этим вопросом: что делать, чтобы исправить положение? «Нельзя выследить всех их, нельзя вылечить всех обезумевших. Но надо бы допросить себя, отчего их так много, обезумевших юношей, не оттого ли, что мы ввели у себя ложную, совсем не свойственную нам систему образования, которая, отрывая каждого от среды своей, увлекает его в среду фантазий, мечтаний и несоответственных претензий и потом бросает на большой рынок жизни без определённого дела, без связи с действительностью и народной жизнью, но с непомерным и уродливым самолюбием, которое требует всего от жизни, ничего само, не внося в неё» [3, с. 212]. То есть всё те же идеи: ярко выраженная сословность, контроль за образовательным процессом, «реализм», «конкретное дело», за которыми просматривается укрепление всё той же сословности.

Идеология охранительства в том виде, как её защищал и развивал К.П. Победоносцев, основывалась прежде всего на идее совершенствования системы образования. Резкий рост церковно-приходских школ, усиление роли, влияния православной идеологии, православных священников, жёсткий контроль за деятельностью университетов – это лишь некоторые меры из этого смыслового ряда. В качестве примера вспомним о том жёстком прессинге, которому подвергался Вл. Соловьёв, выдающийся философ, мыслитель либерального направления. После речи Вл. Соловьёва в 1881 году, когда он призвал нового царя помиловать убийц Александра II, его лишили кафедры, он стал неугоден в государственных университетах и государственной печати. На публичных чтениях («Чтения о Богочеловечестве») всегда присутствовал «специально обученный человек», докладывающий обер-прокурору о характере произносимых речей. Вот, на-

пример, записка министра внутренних дел, графа Д. Толстого: «Из прилагаемой справки Вы увидите, уважаемый Константин Петрович, что Соловьёв не будет произносить никакой речи на литературном вечере» [2, с. 331]. А вот письмо самого обер-прокурора Александру (III 1888 год): «Благоволите, ваше императорское величество, обратить внимание на прилагаемую статью о Соловьёве, коего действия возбуждают теперь столько толков и негодования в России. Вот до какого безумия мог дойти русский умный и учёный человек, и ещё сын С.М. Соловьёва. Гордость, усиленная ещё поклонением со стороны некоторых дам, натолкнула его на этот ложный путь» [3, с. 393]. И резолюция царя: «Действительно, это страшно печально, и в особенности – подумать, что это сын милейшего С.М. Соловьёва». Речь идёт о работе мыслителя «Русская идея», первоначально напечатанной во Франции. Странное чувство возникает при чтении переписки такого рода: трезвый политик, умный профессор, юрист, склонный к чётким формулировкам, тем не менее связывает идеи Вл. Соловьёва с «безумием», «гордостью» и «влиянием дам». Даже учитывая адресат, подобного рода ремарки подтверждают нежизнеспособность «охранения» в таком виде.

Другими словами, нет никакой необходимости идеализировать практику деятельности охранителей, поскольку, в частности, их жёсткое отношение к свободомыслию любого рода известно. Но стоит обратить внимание на то, что и сам Победоносцев, и его критики соглашались: если бы Россию не «подморозили» тогда, в последней четверти XIX века, то разрушение великой империи произошло бы намного раньше. Хорошо это или плохо – дело исключительно политического вкуса.

И К.П. Победоносцев, и К.Н. Леонтьев – патриоты Отечества, люди, преданные родной земле, граждане, которых никто не посмел назвать «компрадорами», «изменниками» и т.п. Когда сегодня думаешь, чем руководствовался тот же К.Н. Леонтьев в своём желании «подморозить» Россию, усиливая и укрепляя тот каркас, на котором держится российская государственность, то понимаешь: в этом стремлении нет ничего личного, амбициозного, карьеристского. Налицо уверенность в своей правоте, основанная, главным образом, на двух вещах: основополагающих ценностях русского общества и теоретических, концептуальных выкладках. Суть последних, если не прибегать к детальному разъяснению, общеизвестна и концентрируется вокруг нескольких положений. Назовём некоторые из них: «истинный прогресс в России возможен на основании только русской народности» (М. Катков); западные идеологи вносят смуту, «эти смутные идеи, проникая в невежественную среду и находя восприимчивую почву в бродячих элементах, окончательно сбивают с толку неподготовленные умы» (из письма Б. Чичерина К.П. Победоносцеву [2, с. 102]); единая мировая цивилизация отсутствует, народы не имеют общей столбовой дороги, путей развития столько же, сколько исторических народов, отсюда важность, объективность национального своеобразия, неповторимости (К. Леонтьев); религиозность иррациональна, и то, что внешне кажется отталкивающим в некоторых формах, по сути, является понятным, логическим и даже прекрасным (К. Леонтьев), и некоторые иные.

В этой части целесообразно поставить такой вопрос: что было причиной тому, что охранительная идеология в том виде, в каком она концептуально оформилась во второй половине XIX века, не принесла успеха? Понятно, что вопрос чрезвычайно широк и сложен, но в части именно идеологической есть смысл остановить внимание на следующем. Несмотря на заявленные стремления к «развитию», «прогрессу», каждый шаг по пути этого развития, прогресса давался очень тяжело при сильнейшем сопротивлении многих консервативных сил и прежде всего двора. Неприятие основополагающих ценностей западной цивилизации было столь сильным, что попытки реформ всё время упирались в непреодолимый барьер «национальной специфики». Кроме этого, не надо преувеличивать концептуальную целостность охранительных мероприятий

идеологического характера: были «подходы», но не было того, что мы сегодня называем «идеологией». Да и точки зрения основных теоретиков идеологии охранительства могли существенно расходиться. Это сегодня мы выстраиваем смысловой ряд: Катков, Победоносцев, Леонтьев... Но ведь основная работа К. Леонтьева «Византизм и славянство» (1875) стала цитироваться, стала известна тогда, когда уже было, собственно, поздно: «подмораживать» было нечего. А широко известным трактат стал фактически в наши дни, в конце уже XX века. Основной вывод из сказанного таков: *логика истории была не на стороне базисных ценностей охранительного содержания. Но это нисколько не означает, что сами ценности не были востребованы уже позже, в иной исторический период.*

3

Советская государственность, идеология советского периода внешне были достаточно далеки от той триады, которая «отрабатывалась» деятелями охранительного направления. Самодержавие кануло в Лету, православие была объявлена мировоззренческая война, вместо «русской народности» появился «народ советский». Теория формаций «заменила» леонтьевские идеи о множестве столбовых дорог развития человечества, классовая теория – идею сословного представительства, Россия советская вытеснила Россию монархическую. И вместе с тем нельзя сказать, что идеология XX века в нашей стране была столь чужда идеологии охранительной, как это может показаться на первый взгляд. Можно утверждать, что по мере развития и консервации советской системы идеология охранительства – частично в новых формах, частично реанимируя ценности прошлого – вновь заявила о себе.

Основной тезис можно сформулировать в таком виде: *наше общество испытывает потребность в ценностях консервативного порядка, почвеннических по духу, и «замена» в идеологических концептах слова «царь» на «генеральный секретарь», «народность» на «советский народ», экстраполяция светлого будущего с небес на землю ничего принципиально не меняет.*

Конечно, секретаря по идеологии брежневских времён Михаила Андреевича Суслова сложно поставить рядом с фигурой Константина Петровича Победоносцева: масштаб всё же не тот. Победоносцев – университетский профессор, автор многотомного курса «Гражданское право», многих иных работ. Суслов – сугубо партийный функционер, охранитель догматического порядка. Однако функции, которые они выполняли, были идентичны: определение базисных ценностей и их защита всеми доступными средствами.

Здесь важно подчеркнуть вот какую мысль: мало признавать возможность развития, возможность прогресса в узко очерченных пределах. Это допускают и идеологи охранительного толка. Важно допускать инакомыслия, мало того, видеть правоту в тех идеях, которые защищают идеологи иных течений, иных направлений. А вот этого не хватало ни К.П. Победоносцеву, ни М.А. Суслову. Хотя аналогии убеждают: чему-то мы всё же учимся. Николай II предпочёл отречься, но «не сдал» монархический принцип. Б.Н. Ельцин, при всей противоречивости и непоследовательности его политики, всё же не стал цепляться за власть в духе известных деятелей брежневского периода и тем самым способствовал укреплению демократических начал.

Фактически ровно через столетие после катковско-леонтьевских откровений советское государство повторило основные ошибки идеологов поры Константина Победоносцева. Охранительная идеология превратилась в самоцель, в идеологическом аспекте все иные точки зрения были загнаны внутрь, в подполье, альтернативные концепты приветствовались лишь в качестве объекта для уничтожающей критики. В итоге охранители уничтожили сами себя. И ситуацию не спасает констатация того факта, что все они лично были добрыми, умными, патриотически настроенными гражданами. Ес-

ли дело жизни проиграно (а оно было проиграно и М. Катковым, и М. Сусловым) то причём здесь «хорошие люди»?

В этой связи закономерно встаёт вопрос о ситуации, которая сложилась на сегодняшний день. Обратимся к политической практике России и Беларуси.

Казалось бы объявленная президентом России Д. Медведевым модернизация страны лежит вне охранительной идеологии. И тем не менее из уст идеологов Кремля всё время слышатся утверждения, что эта политика – консервативная по своей сути.

Отвлекаясь, заметим, что быть консерватором вновь стало модно. Консерватором считает себя даже г-н Зюганов, лидер КПРФ, утверждая, что ресурс революций партия исчерпала. Но вопрос не в том, кто является консерватором, а кто нет. Основной вопрос всё тот же: какие базисные ценности идеология должна консервировать? Ведь если послушать руководителей России, то становится понятно: страна накануне системного кризиса. Коррупция, неуправляемость системы МВД, война на Кавказе, угроза технологических катастроф, экологические проблемы, проблемы демографические, пьянство и т.д. Получается, что «консервировать» особенно нечего, кроме уже апробированных понятий, максим: православие, государственность, народ. Все ссылки на некую «свободу» и такую же «справедливость» не выдерживают критики даже среди идеологов «Единой России».

Вообще говоря, все понимают, чего делать не надо. Хуже с позитивной составляющей: её как не было, так и нет. В результате многочисленных дискуссий приходят к выводу, что может быть востребован лозунг «Умеренный прогресс в рамках порядка». Но тут же сами оспаривают его. Утверждают принцип «Россия вперёд, к консерватизму», но затрудняются определить этот самый консерватизм как очередное светлое будущее. Да и как совместить такие понятия, как «прогресс» и «консерватизм», в новых условиях не всем понятно. Следует новая констатация: «Против радикалов, но за стабильность» – и опять ощущается путаница в понятиях. Все повторяют, что надо бы создать то, что достойно сохранения. Но ничего подходящего в голову не приходит, на деле ничего не создаётся. Брать от жизни? Но что делать, если жизнь «молчит»?

В модернизационном российском проекте много говорится о силе закона, диктатуре закона. Говорится даже о том, что основной в стране должна стать «партия юристов». Оппоненты же утверждают, что закон сам по себе мёртв, нужна «душа» перемен, а душа – это личность, конкретный человек. Здесь сразу же вспоминаются слова М.Н. Каткова по этому поводу. Известный публицист писал: «Царь, по истинному о нём понятию, есть глава и душа царства. Но вы возразите мне, что душой государства должен быть закон. Закон необходим, достаточен, благотворен; но закон в хартиях и книгах есть мёртвая буква: ибо сколько раз можно наблюдать в царствах, что закон в книге осуждает и наказывает преступление, а между тем преступление совершается и остаётся ненаказанным; закон в книге благоустраивает общественные звания и дела, а между тем они расстраиваются. Закон, мёртвый в книге, оживает в деяниях; а верховный государственный деятель и возбудитель подчинённых деятелей есть царь» [1, с. 118]. Практика, в том числе и современная российская, во многом подтверждает истинность максимы Михаила Никифоровича.

Но вернёмся к поставленным ранее вопросам и, в частности, первому из них: почему же модернизационные проекты объявлены консервативными по сути? Ответ лежит в нескольких смысловых плоскостях. Во-первых, страна устала от революций, более того, она устала и от реформ. Ни одна существенная политическая сила в России, кроме нескольких узких групп революционеров, не заявляет о своих революционных намерениях, а о реформах говорится в весьма осторожных выражениях. Во-вторых, ощущается потребность в стабильности, устойчивом развитии. Общество требует спокойствия, в том числе и социального. В-третьих, все устали от сплошного отрицания, и

есть потребность и в понимании преемственности национального развития, и в востребованности идей тех идеологов, которые сохраняли базисные ценности.

И следующая важная проблема: так что консервировать? Очевидно, что никто не хочет консервировать статус-кво, уж слишком непрезентабельно оно выглядит. Многие говорят о важности преодоления бедности, поскольку Россия, несмотря на все её богатства и сформировавшуюся группу нуворишей, бедная страна. Но один вывод несомнен: понимание базисных ценностей, несмотря на многие заявления, не сформировано. Как зло иронизируют некоторые публицисты, у России есть одна базовая идея, идея крепостничества, сохраняющаяся, в той или иной мере, до сих пор. Всем понятно, что нужно искать нужное сочетание консерватизма и модернизации, но пропорции этого сочетания неизвестны. Есть потребность в социальных алхимиках, идеологах, которые смогли бы сформулировать рождающиеся в муках истины.

Но эти же острые вопросы в той или иной мере присущи и белорусской политической, идеологической практике. И чувство ответственности в этой констатации – определяющее чувство. Вновь вспоминаются слова М. Каткова, звучащие очень актуально: «Наше поколение держит в своих руках историческую будущность русского народа. Наша задача так колоссальна, что поневоле становится жутко» [1, с. 60]. Без всякой жути можно констатировать, что нынешнее поколение белорусов держит в своих руках судьбу белорусского народа.

И ведь охранительные идеи, охранительная идеология как консервативные, традиционалистские по характеру феномены востребованы и сегодня, поэтому не надо бояться говорить сегодня об идеологической практике в контексте охранительной идеологии. Конечно, не надо цепляться за отжившие формы, но ведь надо охранять наши национальные ценности. Что, собственно, и делается. Не надо всё время смотреть назад, клясться прошлым, но надо видеть в этом прошлом то, что позволяет нам смело смотреть в будущее. Не надо мыслить в категориях одной истины, одной точки зрения, однако надо уметь защищать своё видение национальных перспектив.

Скажут: так ведь охранители проиграли, надо ли брать на вооружение психологию проигравших? Во-первых, разве они проиграли? Ведь те же идеи русских охранителей классического периода востребованы и сегодня. Разве не говорят ныне в России о важности духовных достижений православия? Разве не утверждают собственную политическую самобытность – вспомним известный тезис о суверенной демократии? Разве не говорят о народе, народности как носителе правды, справедливости и совести? Достаточно обратиться к программным текстам «Единой России», чтобы убедиться в том, что консервативная, охранительная идеология там не просто поселилась, она там выглядит хозяйкой. И это, на наш взгляд, правильно, нормально.

Во-вторых, если обратиться к практике национального развития многих западных стран, то разве не под консервативными флагами, не под консервативными лозунгами был достигнут весьма ощутимый прогресс в этих странах?

Что ж в итоге? В итоге есть понимание того, что идеи охранителей вовсе не ненужный хлам, с которыми наше общество давно рассталось и давно их забыло. Идти вперёд, конечно, надо, но призыв охранителей всегда видеть в этом движении некие базисные ценности, базисные нормы остаётся актуальным. Преемственность – это не только философская категория. Это и понимание вполне обыденных жизненных вещей, вроде того, что отцы и деды жили не даром, что мы не просто помним о них, но мы и уважаем их дело. Традиции – это не просто песни и пляски, словом, фольклор. Традиции связаны, с и с политическим устройством, и с уважением к формам общественного мироустройства. Это и те неразвитые элементы гражданского общества, которые мы воспроизводим сегодня. Словом, это меньше всего прошлое, это наши сегодняшние реалии, которые мы обязаны передать дальше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катков, М.Н. Идеология охранительства / М.Н. Катков. – М. : Ин-тут рус. цивилизации, 2009. – 800 с.
2. К.П. Победоносцев и его корреспонденты : Воспоминания. Мемуары: в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. Т. 1. – 448 с.
3. К.П. Победоносцев и его корреспонденты : Воспоминания. Мемуары: в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. Т. 2. – 672 с.
4. Леонтьев, К. Поздняя осень России / К. Леонтьев. – М. : АГРАФ, 2000. – 336 с.
5. Милюков, П.Н. Воспоминания: в 2 т. – М. : Современник, 1990. Т. 1. – 446 с.
6. Милюков, П.Н. Воспоминания: в 2 т. – М. : Современник, 1990. Т. 2. – 446 с.

Lepeshko B.M. Two Centuries of Protective Ideology

The genesis of protective ideas is considered in the article. The Views of M. Katkov, K. Pobedonostsev, K. Leontiev are characterized, also the interconnection of protective ideology with a modern conservative outlook is interpreted. Ideological concepts and several Russian and Byelorussian ideological theories of The XX and XXI centuries are analyzed in the article. The point of view according to which some of the postulates of protective ideology can be demanded in our days is justified.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.01.2010